

К 85-ЛЕТИЮ Г.В. ОСИПОВА

27 апреля 2014 года исполнилось 85 лет академику РАН Геннадию Васильевичу Осипову. Он внес значительный вклад в институционализацию социологии в СССР, был одним из основателей Советской социологической ассоциации (1958), в 1959–1972 гг. — ее президентом; принял активное участие в создании Института конкретных социальных исследований (1968 г.; ныне — Институт социологии РАН). Под руководством Г.В. Осипова были проведены одни из первых социологических исследований советского периода; под его редакцией вышла «Рабочая книга социолога», по которой училось несколько поколений ученых. В настоящее время является директором Института социально-политических исследований РАН, президентом Российской академии социальных наук, директором Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова.

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» от своего имени и от лица читателей поздравляют Геннадия Васильевича с юбилеем и желают ему здоровья и успехов в научной, преподавательской и организационной деятельности.

Г.В. ОСИПОВ: «РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ СЕЙЧАС МОЖНО ТОЛЬКО НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ»¹

Б. Докторов: *В ходе нашей первой беседы вы много и обстоятельно говорили о непонимании представителями высших уровней различных ветвей власти роли социологии, о недоверии результатам исследований и предложениям социологов. Похоже, что реформа РАН — явление того же ряда событий. Можно ли надеяться, что в обозримом будущем социология, социальные науки займут более значимое место в системе управления обществом?*

Г. Осипов: Начну ответ с последней фразы. Социологию не любят властные структуры, в Советском Союзе ее не любили, боялись, в России ее не особенно любят и не любят в других странах: в Англии, в Соединенных Штатах Америки тоже не такое блестящее отношение к социологии. Общая тенденция сейчас, поскольку нельзя эту науку закрыть, ее сводят обычно к философскому уровню, преподают понятия — одно, другое, третье. А практическая роль социологии и социальных наук отходит как бы на задний план, и все продолжается в обществе с позиций принципа субъективности, то есть, по существу дела, — методом проб и ошибок. Вот Дума решает что-то, принимают такой-то закон. А какие будут последствия реализации этого закона, никто не задумывается.

Я вам говорил, в прежние времена голову отрубали человеку, который вносил закон, который не действовал. У нас же многие законы, во-первых, принимаются субъективно; во-вторых, часто работают против народа, против общества. И еще, у нас есть великий принцип юридической науки — принцип «обратной силы». Сплошь и рядом закон имеет обратную силу. Это дестабилизирует общество и т. д.

Кроме того, рейтинги. Рейтинги часто используют оппозиционные структуры по отношению к власти, проводят исследования совершенно без серьезных выборок, они абсолютно не отражают генеральную совокупность и дают, что кто-то на первом месте, кто-то на втором. Тут у меня был один крупный специалист и сказал, что он кого-то на первое место вывел... Это исторический факт, он у меня записан. Поэтому идет такая система — ранжирование: выводят кого на первое место, второе, третье, берут деньги. <...>

¹ Материал включает фрагменты двух интервью, которые Г.В. Осипов дал *Б.З. Докторову* в ноябре 2012 и феврале 2014 г. Транскрипты аудиозаписей интервью получили незначительную литературную обработку. — *Прим. ред.*

В свое время Н.М. Амосов сказал, если общество не будет заниматься социологией и психологией, оно погибнет. Эта фраза очень мощная. Сейчас без социальных наук в условиях создания массы новых структур, отношений и прочее, перехода к электронно-цифровой стадии развития общества, управление обществом усложняется, плюс еще так называемый процесс глобализации. Существует идиотский принцип, что развивающиеся страны и страны Азии, даже африканские государства, скажем, — Нигерия или Сомали — должны достигнуть уровня Соединенных Штатов Америки. Но это глупость, все сами должны жить. Они имеют ресурсы и пусть этими ресурсами пользуются и живут в тех условиях, в которых они живут. <...> То есть управлять обществом по методу проб и ошибок как в Соединенных Штатах Америки, так и в России, невозможно. Нужно переходить к новой системе управления.

<...> Вопрос-то заключается в том, что социология сейчас граничит с констатацией или же общей болтологией. Поэтому к ней тоже отношение сейчас такое несерьезное, то же и к экономистам. Сейчас и младший научный сотрудник может сказать, какое положение в обществе, он может назвать 20 пунктов, что плохо тут, что — тут, даже без цифр; можно дать ему цифры, но вопрос-то заключается в том, как эту социальную реальность изменить. Сейчас говорят — это девиантное поведение, отклонение от нормы. Нет, не отклонение от нормы. Это негативная закономерность той социальной реальности, которая создана в результате деятельности людей, в результате принятия законов, противоборства различных сил. Вот в чем дело-то.

Сейчас существующая система законодательства не отвечает современным реалиям. Надо так: сначала — исследования процесса, далее, цель изменения данного процесса в интересах общества и человека; затем — определение и вложение средств для реализации этой цели; в той или иной степени и точные математические расчеты, в насколько будет достигнута намеченная цель в определенном контексте. Опять же — система социальных показателей и индикаторов, в первую очередь качество жизни людей и жесткий контроль в отношении тех людей, которые осуществляют реализацию данной цели. Видите, какая цепочка получается. Этой цепочки сейчас нет нигде практически. А без этого ничего сделать нельзя.

Представьте себе, аналогичное и при создании военной техники. Давайте создадим ракеты и т. д. Ну и что? Совет безопасности заслушал доклад заместителя министра финансов, что вот новации выделено столько-то миллиардов. Я его спрашиваю: «А что будет в результате реализации этих новаций»? — «А кто его знает». Вопрос заключается в том, что сейчас общество должно переходить к целевым программам решения вопросов в интересах людей. То есть очень многое меняется.

Вчера я беседовал по этому вопросу. Меняется вся система управления. Без этого общество придет к хаосу, если мы не будем переходить к таким системам. Вот докладывает Клепач, он заместитель министра экономического развития и торговли РФ. Внес там чего-то. Был план социально-экономического развития до 2020 года. Все поняли, что ничего не будет кроме ухудшения, создали сейчас план социально-экономического развития до 2030 года... И этот план до 2030-го года — план выживания. Понимаете, жизненный уровень населения не улучшится, там ВВП планируется. Но нельзя по ВВП судить о том, что происходит в этой стране. Все сложнее. За счет чего ВВП? Как распределяется ВВП? Каковы последствия ВВП? А без этого получается дикость какая-то. Я не стал уже задавать ему вопросы. А каковы последствия? На 2% у нас возрастет ВВП к 2030-му году. Какие последствия для человека и для общества?

Б.Д.: Полностью проиграем, очевидно.

Г.О.: Вчера на Президиуме РАН был доклад о странах БРИКС. Такой ретивый директор института Латинской Америки говорит, что вот мы в Европе все потеряли, пойдем по странам БРИКС. И далее идет арифметическим путем, методом экстраполяции: насколько страны БРИКС вырастут, насколько у них увеличится ВВП уже не к 2020-му году, а к 2030 году. Но к этому времени уже БРИКС не будет существовать. Ведь меняется все. На смену индустриального развития общества приходит электронно-цифровая стадия. Совершенно другое использование ресурсов, и может быть эти металлы совсем не нужны будут, совершенно другое использование природных ресурсов для получения нового качества. Отсюда роль науки в целом и социальных наук в частности резко возрастает.

Я делал доклад на Экспертном совете Совета Федерации и поставил вопрос, он — старый, давно муссировался: как могут депутаты принимать какие-либо решения без научного обоснования цели, результатов? Кроме того, как можно депутатов выбирать без специального уровня образования, определенного уровня культуры и т. д. и т. п.? Возьмите наших губернаторов. Они в очереди сейчас; примерно 50% из них думают, как они наворуют побольше и смотаются куда-нибудь. Один за другим уже бегут из России. Писатели, губернаторы.

Б.Д.: Да, есть такое.

Г.О.: Вопрос об ответственности. Сейчас социология поставила целый ряд вопросов, и я думаю, что сейчас мы имеем реакцию Академии на это. Потому что, скажем, сталевар испортил сталь. Тогда для человека, который находится у руководства министерством, самое большое наказание — освобождение. Я бы поставил вопрос об уголовной ответственности человека, который не справился со своими обязанностями: не надо было браться. Если он брался, значит, должен соответствовать. Вплоть до уголовной [ответственности],

чтобы казнокрадства не было, и результаты были достигнуты. Сейчас никто ни за что не отвечает у нас в обществе, абсолютно.

И представьте себе, конечно, Олимпиада, это очень красиво. Но если бы она проводилась в стране, где жизненный уровень населения был бы нормальный, учителя были бы обеспечены, развивалась бы наука, здравоохранение, тогда все было бы прекрасно. Но когда за Уралом — сплошь алкоголизм, наркомания, безработица, и не сегодня-завтра там взорвутся регионы, причем, русские регионы сперва. Это совсем другое. <...>

Поэтому сейчас социальные науки выходят на первый план. Хотят руководители, не хотят, они могут запретить науку, разгромить Академию наук, поиздеваться над учеными, превратить их в манкуртов. В манкуртов превращают всех нас. Но есть лишь два пути: или развал России и всемирная катастрофа, и Россия вынуждена будет защищаться вместе с Соединенными Штатами Америки, или же объединение всех, солидарность в решении общих вопросов. Тут связаны и Соединенные Штаты, и Китай, и Индия, и Пакистан, и Иран. <...>

И вопрос заключается в том, что мы говорим не с позиции патриотизма, а с позиции того, что нельзя сейчас решать проблемы на основе стихийности, стихийного управления обществом, стихийного управления мировой цивилизацией. Только на основе социальной науки.

Б.Д.: И как, к Вам прислушиваются люди из власти, когда вы эти идеи высказываете? Как вы считаете?

Г.О.: Вот я вчера беседовал с академиком Фортунатовым, он специалист в области естественных наук. Представление такое, когда я ему эти все вещи рассказал, он понял, к счастью, все эти вещи, но тут же, вопрос — а каким будет восприятие нашего доклада? Однако обсуждать эту тему необходимо... <...>

Б.Д.: Да. Вы в общем-то это же самое говорили и полтора года тому назад. Просто произошли оценки новые. Очень интересно.

Г.О.: То, что я тогда говорил, не только оправдалось, но сейчас ситуация требует более жестких оценок.

Интересно, был старый философский принцип: бытие определяет сознание; сейчас социальная реальность определяет сознание, но социальная реальность создается человеком. Мы сейчас ввели понятие негативных закономерностей. И не представляете, какая реакция философов: «что Вы говорите... это же просто отклонение!». Это определенная закономерность. Мы ввели сейчас закон о конфискации имущества коррупционеров, казнокрадов и их ближайших родственников, и закономерность изменится. То есть те закономерности, которые появляются в стране, в нашей реальности, — это не отклонения какие-то, а результат деятельности людей. Поэтому сейчас нужно новое понимание социальной реальности и уже отход от того принципа,

что бытие определяет сознание. Не бытие, а реальность. Тут новый теоретический подход к социологии.

И, конечно, до сих пор социологии в известной степени противостоят, ну, может быть, в слабой форме, философы. Потому что они считают, что философия — это наука. Вот он сказал, доказал что-то, философия великая вещь, великая форма общественного сознания, на которую молиться можно. Но она не наука. Потом, представьте правовые науки, юридические науки науками не являются, они являются науками только с позиции изучения того, каким образом нормы влияют на человека, и только с позиции социологии они становятся наукой. <...>

БД: *Несколько лет назад мои исторические поиски привели меня к утверждению о том, что на рубеже 1950–1960-х произошло не возрождение советской / российской социологии, а ее второе рождение. Лишь перестройка дала толчок к возрождению российской социологии, но оно не может происходить стихийно, само по себе, необходима определенная программа. В какой мере Вы согласны с этими положениями?*

ГО: Это очень серьезный вопрос, на который сложно однозначно ответить. Можно сказать: и так, и не так. Что такое второе рождение? Действительно, когда большевики совершили переворот, ими социология, как это ни удивительно, была признана и даже институционализована в некоторой степени. Сохранилась школа М.М. Ковалевского и даже создавались некоторые социологические учреждения. Постепенно был сделан крен в двух направлениях. Первое — это размывание школы К.М. Тахтарева, на смену которой приходит так называемая марксистская социология: С.А. Оранский и иже с ним, которые пытаются изложить систему социологического знания в соответствии с концепциями, характерными для марксизма.

Я сделаю необходимое отступление: мои исследования работ Ленина привели к выводу, что он работ К. Маркса, Ф. Энгельса не читал. Он перелагал, переписывал и излагал цитаты из них, которые находил в трудах Э. Бернштейна и К. Каутского. Я не нашел ни одной цитаты, которая была бы взята Лениным из оригинального источника. <...> Таким образом, оказалась сформирована ленинская, как бы марксистская социология.

Наряду с этим развивается вторая концепция, сторонниками которой являются академики И.К. Луппол, Я.Э. Стэн, которые были жертвами сталинских репрессий, хотя Стэн учил Сталина философии. Основные положения работы Сталина о диалектическом материализме подготовлены со Стэном. Классическим завершением этой линии стала книга Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма». Но здесь начинается борьба Сталина, возникает теория равновесия,

выходит работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме», и наступает конец этому периоду. То есть социология даже в ее марксистском варианте была отвергнута, и тот же Луппол заявляет, что нет никакой социологии, диалектический материализм — это и есть наша социология. Даже не исторический, а диалектический материализм и есть наша социология. После этого состоялось заседание Института красной профессуры, где делают вывод о том, что социология — буржуазное наследие и даже сам термин «социология» становится крамольным.

Несмотря на то, что у нас были противоречия в дальнейшем, я должен сказать, что Ф.В. Константинов все-таки заявлял, а почему, собственно, мы должны изъять из научного обихода слово «социология»? Примерно в 1934–1935 годы. Но начинается новый период. Константинова проигнорировали, и в Академии было принято решение о том, что разработанная Огюстом Контом научная дисциплина — антимарксистская и поэтому слово «социология» изымается из советского научного лексикона.

Все это составляет первый период социологии после захвата власти большевиками. <...>

БД: Я определяю период этот как «ранняя советская социология».

ГО: Я не считаю, что у нас имела место Октябрьская революция, все это — чепуха, просто был совершен переворот на американские, английские, немецкие деньги. Такова моя концепция.

Хотя я искренне верил в коммунизм, не кривя душой вступал в Коммунистическую партию и так далее, но мои занятия, изучение предмета подвигли меня к такому выводу. Должен сказать, что я был первым у нас, кто выступил с критикой Ленина как ученого. В это время в Академии наук выделили вакансию академика социологии, но тогда же должна была выйти моя статья, нелюбимая по отношению к ученым опытом вождя мирового пролетариата. Ко мне обращается С.Ц. Степанян и предупреждает, что если я сейчас опубликую эту статью, то не буду избран в состав Академии. Я сказал, чтобы статью опубликовали. Я был тогда единственной кандидатурой, но меня в академики не избрали.

БД: Когда это было?

ГО: Это примерно 1987–1988 годы... Итак, новый период наступил, в котором социология как наука запрещена. Объявлено, что есть только диалектический и исторический материализм, а все остальное — лженаука. Но исторический материализм тоже не считался социологией.

Начинается новый период, в этот период что-то надо было сделать. Публикуется книга Г.Е. Глезермана, по-моему, что-то о сближении города и деревни, о сельском хозяйстве, по проблемам, с которыми он практически не был связан. Ему присуждается Сталинская

премия за эту работу². В период от запрещения социологии до возврата к ней несколько книг было опубликовано — и не философских, и не социологических, которые пытались анализировать с апологетических позиций нашу действительность. Я не помню название второй книги, которая также получила Сталинскую премию. Их авторов стали превозносить как великих ученых в области обществоведения.

Но все же нужно было как-то изучать социум. Я, еще будучи студентом Московского государственного института международных отношений, заинтересовался не социологией, но социальными процессами. Моим руководителем был Шишкин Александр Федорович, он сказал мне, вот опишите капитализм в сознании людей.

БД: Он был философом?

ГО: Да, философом. <...> Я воспользовался папиным дипломом кандидата наук и направился с ним в Ленинскую библиотеку, в закрытый отдел. Стал там знакомиться с литературой. Несколько диссертаций — не помню фамилий их авторов — не совсем укладывались в прокрустово ложе апологетики. В них говорилось о текучести рабочей силы, о неудовлетворенности работников трудом. Были и такие работы.

БД: Они, наверное, носили такой госстатовский характер?

ГО: Да, госстатовский характер, это не были исследования. Но статистика, приведенная в них, меня поразила, потрясла. Моя дипломная работа была подготовлена в свое время, представлена, защищена. Содержала она искорку понимания проблем тогдашнего советского общества.

БД: Использовали ли Вы термин «социология»?

ГО: Нет, не использовал. Не было его тогда в общеупотребимом лексиконе.

Закончил я институт с хорошим знанием иностранного языка. Английский я знаю очень хорошо, как русский, хотя он мне трудно давался, приходилось заниматься по четыре-пять часов в день на протяжении шести лет. <...> Тогда Александр Федорович посоветовал мне взять для диплома тему: «Критика современного технократического направления в современной буржуазной социологии», чтобы расширить за счет стремительно набиравшей популярность социологии мой научный кругозор, к тому времени уже достаточно четко обозначившийся. Именно впервые в моей дипломной работе я и использовал термин «социология».

БД: Это какой год?

² Сталинскую премию в области философии Г.Е. Глезерман получил в 1951 году за книгу «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР» (М., 1949). — *Прим. ред.*

ГО: Давно это было, возможно, в 1955 году.

БД: Тогда говорили: «буржуазная социология».

ГО: Да, буржуазная социология, но суть заключается в том, что на Западе слово «буржуазное» означает «гражданское», и поэтому, когда переводили мои книги, слово «буржуазное» опускалось, осталась лишь «социология». Когда по теме вузовской дипломной работы я подготовил книгу, в стране шла бешеная борьба против космополитизма. Однако несмотря на это, мне удалось в этом издании показать, что есть нечто на Западе, что нам в Советском Союзе следует позитивно изучать. Прежде всего — систему управления обществом, роль менеджеров, управляющих. Сейчас у нас в России «менеджеризм» — скомпрометированное понятие. Но тогда, готовя свою публикацию, я рассмотрел книгу Д. Бернхейма «Революция управляющих», дал оценку позитивным аспектам западной социологии. Эта моя книга была опубликована в Институте под названием «Техника и общественный прогресс...» [8]. Ее перевели на ряд языков, и слово «социология» там уже использовалось без каких-либо ограничений. И без дописка «буржуазная». Позже на базе этой книги мною была подготовлена и защищена кандидатская диссертация [6], которой в ВАКе чуть не присудили докторскую степень. <...> Докторскую диссертацию я защищал в Институте философии АН СССР [5]. Это уже была большая работа, основанная на трудах западных социологов, в которой использовались исследования наших ученых — С.Г. Струмилина и многих других. Одновременно с этой книгой я подготовил монографию «Современная буржуазная социология» [7], где уже пытался раскрыть систему социологического знания, и основная проблема была в признании социального фактора определяющим в поведении людей. И там я приводил интересный пример... Я показал, что социальное поведение индивидуума далеко не всегда детерминируется его происхождением и семейным воспитанием... Это было внове. Впервые я понял, что...

БД: ...чисто классовый подход не проходит...

ГО: Да. <...> Тогда же модным стал позитивизм, который сводит конкретное к философии. С тем, чтобы философия приобрела не абстрактный характер, а реальный. Эту позитивистскую тенденция, этот научный фактор мы и начали использовать. Я, а затем — «ленинградская школа». Против такой постановки вопроса трудно было воевать. И мы приняли лозунг, что надо изучать действительность с позиций философии; философия должна стать главным инструментом анализа. И так далее — о связи теории с практикой. Такой у нас был лозунг. <...> Мы долгое время придерживались его. Это я все рассматриваю промежуток между первым этапом и вторым. <...> Первым трудом, который был по этому вопросу подготовлен, стала работа, выполненная

под руководством М.Т. Иовчука в Свердловске. Называлась она «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса в СССР» [9].

БД: Вы пишете, что она большой роли не сыграла.

ГО: Но работа эта стала этапом, этого нельзя забывать. М. Иовчук основывался на привлеченных данных, статистике, конкретных исследований им проведено не было. Но все равно это — определенный этап, когда философами был подготовлен совсем не философский труд. Содержит он много интересных моментов. Его нельзя считать полностью апологетическим, в его создании принимали участие серьезные люди — Л.Н. Коган и другие. Я сам помогал состояться этому труду и даже там упомянут, получил благодарность от авторов.

Этот труд оказал влияние на П.Н. Федосеева, который был тогда директором Института философии АН СССР. Сам он родился в Горьком [сейчас Нижний Новгород. — *Б.Д.*], поэтому когда его пригласили в Горький и в Горьковскую область ознакомиться с заводами, он с энтузиазмом принял это приглашение. По возвращении приглашает меня — я в то время был Ученым секретарем Института философии — и предлагает создать сектор, который начал бы этим заниматься.

БД: Проблемами труда?

ГО: Да. И вот в 1960 году был создан Сектор новых форм труда и быта. Это — знаменитая отправная точка. Сформировали небольшую группу, куда вошли Соболев, которого за ревизионистские взгляды изгнали из определенных органов, И.И. Чангли, А.А. Зворыкин — человек не от мира сего; В.В. Колбановский.

К этому периоду были опубликованы три работы, которые имеют большое значение для становления социологической науки. Это статья Э.А. Араб-оглы и Г.А. Арбатова по эмпирической западной социологии; статья Арбатова по книге А.И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом»³, а также статья Ю. Кучинского о социологических законах [4], которые в этой статье впервые были упомянуты, и ответ на эту статью Варлена Колбановского⁴. Тоже не от мира сего человек, написал о социологических законах, хотя о них ни одна душа в Советском Союзе не знала и, естественно, их не обсуждала.

³ Эта книга — отчет Весьегонского Совета перед трудящимися уезда и Тверского губкома РКП(б) о работе за первый год пролетарской диктатуры. Книгу Тодорского высоко оценил В.И. Ленин. — *Б.Д.*

⁴ В.В. Колбановский первым поддержал идею Ю. Кучинского о социологических законах как предмете социологии, что послужило началом дискуссии о признании социологии в качестве самостоятельной науки. См.: [3]. — *Б.Д.*

И вот — Горький. Сразу по приезде — в обком КПСС, как тогда было принято. Конечно, были созданы идеальные условия, нам были выделены пять заводов, представили всю информацию, которую только можно было, подключили партийные организации. Нам было выделено колоссальное количество людей в помощь для проведения интервью по свободному времени. <...> Проводим исследование и обнаруживаем, с одной стороны, серьезный дефицит досуга у промышленных работников, с другой — различное отношение социальных групп к своему быту, труду. Вот вам классовый подход. И, скажем, противоречия внутри рабочего класса оказались серьезнее, чем противоречия между...

БД: Чем межгрупповые...

ГО: Да, и этот вывод подтвердили результаты нашего международного проекта, который мы проводили с Гарвардом. Возникла проблема отчуждения труда, но само это понятие было запрещено в СССР, официально считалось, что отчуждение труда в стране преодолено в ходе построения социализма.

По итогам работы в Горьком мы издали труд «Рабочий класс и технический прогресс» [10]. Недавно мы его переиздали в инициированной Институтом серии «Вехи отечественной социологии» без единой коррекции, без единой правки. <...>

Несколькими месяцами позже нас начинают свое исследование ленинградцы В. Ядов и А. Здравомыслов. Мы тогда не были знакомы, позже познакомились.

Одновременно с возобновлением социологических исследований в Советском Союзе наших ученых стали приглашать на конгрессы, в основном — социологические. На участие во втором конгрессе наложен партийный запрет, но уже на третий⁵ выезжает наша делегация, в основном представленная философами. Когда они вернулись, у нас состоялась беседа с Петром Николаевичем Федосеевым. Я предлагаю создать ассоциацию, которая занималась бы сугубо международными делами советского социологического сообщества.

БД: Я считаю, что это был великий момент.

ГО: Он поддержал это решение и ставит вопрос, кого назначить председателем? Со своей стороны рекомендует М.Б. Митина. Я говорю (это все есть в документах), нельзя Митина, хотя он поддерживал социологические исследования. Я предложил кандидатуру Ю.П. Францева. Так была создана Ассоциация, Правление...

БД: ...да, три человека...

⁵ III Всемирный социологический конгресс состоялся в 1956 году в Амстердаме. — *Прим. ред.*

ГО: ...три человека... В это время наш труд выходит, и через какое-то время Федосеев принимает решение — выборы, и меня избирают Президентом социологической ассоциации. Я тогда сделал иной крен, повернул ее на внутреннюю политику, на развитие социологии.

БД: Геннадий Васильевич, из того, что вы рассказали, следует, что это было второе рождение, я очень внимательно следил. Никто вас не обучал социологии, понимаете?

Далее, у вас не могло быть по идеологическим соображениям тезиса: «Давайте поднимать значение русской дореволюционной социологии». Вас никто, как говорили в то время, не понял бы. Значит, не было прямой связи. <...> Так что есть все основания считать, что ваше поколение создало социологию по своему пониманию марксистской социологии, западной социологии и по своему пониманию ответственности перед обществом. Вот вы тоже подчеркиваете практическую направленность.

Поэтому мне кажется, что сказанное вами — это в пользу того, что это была не единая линия... Вы сами пишете, что был мощный разрыв. А раз был мощный разрыв, то далее два пути. Либо за счет оживления прошлого, я называю это «толстым настоящим», включением прошлого в настоящее, либо — «с нуля». По сути дела, вы начинали, если не с «нуля», то с величины, очень близкой к нулю. Вот мне так кажется... нет?

ГО: Опять скажу: так и не так. То, что мы сделали в этот период для создания Советской социологической ассоциации, исследования Ядова, мои исследования — это еще не социология. Это был период подготовительный. Социология, если говорить о ее рождении, началась несколько позже, когда мы стали понимать, что это — наука. Все это еще шло под двумя лозунгами: сближение теории с практикой, конкретная реализация основных принципов исторического материализма. То есть был определенный подготовительный этап. <...>

Вот начинают использоваться такие понятия, как конкретные социальные исследования, прикладные социологические исследования, которые как бы являются реализацией основных принципов исторического материализма.

БД: Но Вы тогда не говорили, что это подготовительный этап. Вы просто жили и работали.

ГО: Да, жили и работали. Нужно было ввести понятие «социология» как таковое. Оно отрицалось. Поэтому пришлось пойти на мощный компромисс и объединить и социологов, и несоциологов, и истматчиков, и некоторых вменяемых противников социологии. В этой книге, двухтомнике «Социология в СССР» [11], описан этот процесс. Самое главное до этого произошло — были установлены связи с английским издательством и с американскими социологами. Я начинаю

сотрудничать с Т. Парсонсом, мы с ним просто друзьями были, с Р. Мертоном были друзьями, с С. Липсетом были друзья, очень близкие отношения были.

БД: Вы и у Джорджа Гэллапа были.

ГО: Сближение с Гэллапом — это свидетельство уже известного перелома в отношении советской власти к социологии. <...>

БД: А какова история рождения статьи В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона «Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования» [2]?

ГО: Это тоже поучительная история. Для того чтобы как-то узаконить свою точку зрения, Константинов привлекает Келле и меня, чтобы написать статью. И когда статья была подготовлена — я к тому времени уже стал социологом — я отказался подписывать ее. Это был четкий вызов Константинову.

В это же время с американцами устанавливаются хорошие отношения, мы получаем очень много литературы, в том числе закрытой. Начинает выходить журнал «Социальные исследования»; вышло шесть номеров⁶. И в одном из этих номеров я опубликовал определение социологии как самостоятельной науки, которое было воспринято американцами как прорыв.

Все вместе: учреждение и становление Советской социологической ассоциации, улучшение отношений с американскими социологами, плюс проведенные конкретные исследования — все это подвело нас ко второму этапу становления социологии в России.

БД: Бальзам на душу... Второй этап, третий — детали; но главное — возрождение.

ГО: Да, возрождение, социология возродилась, этот факт четко зарегистрирован американцами. Зафиксировано: что вот произошло возрождение. <...>

И очень многое в становлении социологии как науки связано с деятельностью Советской социологической ассоциации. ССА позволила установить связи с американцами, у нас был создан американо-советский комитет по связям в области социологии, который возглавляли я и Парсонс. И в стране было создано около 34 исследовательских комитетов. Начинают формироваться группы социологов по стране.

БД: Да, это колоссальный процесс, который, к сожалению, не описан.

⁶ Журнал «Социальные исследования» начал издаваться ССА в 1965 г. на организационной базе Сектора новых форм труда и быта. — *Б.Д.*

Г.О.: И как только была создана Советская социологическая ассоциация⁷, состоялся одновременно с этим Первый Всесоюзный конгресс социологов в Ленинграде.

Б.Д.: Описано у меня это, описано [1].

Г.О.: Главное достижение ассоциации — это всемерное содействие подъему социологической науки в те времена, когда в Советском Союзе главенствует тезис о том, что социология — это прикладные исследования, которые проводятся в рамках исторического материализма. В это время проявляется незаурядная личность Румянцева Алексея Матвеевича, во многом благодаря которому в верхах принимается совершенно неожиданное решение о создании Института конкретных социальных исследований и преобразовании нашего Сектора новых форм труда и быта в Отдел конкретных социологических исследований. <...>

Б.Д.: *Как бы вы в целом охарактеризовали потребность в проведении исследований по истории российской социологии на всем пути (начиная со второй половины XIX века) ее развития? В частности ее современного (послевоенного) периода.*

Если по-простому: насколько мы как сообщество российских социологов обладаем знанием истории нашей науки? То, что вы рассказывали, для меня было новым, и я допускаю, что для большинства наших коллег это может стать почти шоковой по новизне информацией.

Г.О.: Этот вопрос — из наиболее серьезных. Вы, думаю, смотрели мои работы и не нашли ни одного места, где я бы преувеличивал свое значение в сложном и трудном процессе возрождения отечественной социологии. Я лишь писал о том, что было. Но не все коллеги оказались столь же щепетильными. <...>

И сейчас многие вопросы истории становления социологии часто извращаются, что-то преувеличивается, что-то искажается. Кто-то хочет считать себя героем, и мне просто обидно за людей, которые говорят, что у нас не было социологии, что социология...

Б.Д.: ... «начинается с меня»...

Г.О.: Должен вам сказать, что такой истории становления, возрождения социологии именно в послевоенный период, такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история.

⁷ Днем рождения Советской социологической ассоциации считается 13 июня 1958 г., когда в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС было принято Постановление Президиума АН СССР о ее создании. Председателем ССА был избран Ю.П. Францев, его заместителем — Г.В. Осипов. — *Б.Д.*

Б.Д.: Наша послевоенная социология уникальна еще и тем, что до сих пор живы представители всех ее поколений. <...> Уникальная ситуация, подобного ни в одной из стран нет, потому что там социология давно развивается.

Г.О.: Да, согласен, что если взять историю нашу, она уникальна. О ней очень много может быть написано серьезного. Необходимо зафиксировать все ее трагические моменты, все несправедливые судебные процессы, как исключали из партии, как корежили судьбы ни в чем не повинных честных ученых. В результате, я должен сказать, по некоторым вопросам понимания действительности, современной реальной ситуации наша отечественная социология превзошла западную. Я не преувеличиваю.

Б.Д.: По каким темам?

Г.О.: Вот только некоторые из них: изменение учета социальных реалий; переход к новой системе управления как национальным, так и международным сообществом; включение науки в систему научного управления; понимание социальной реальности; рождение новых понятий. Она в известной степени превзошла западную социологию. О конкретизации превосходства отечественной социологии над западной мы с вами можем специально поговорить.

Б.Д.: Интересный тезис.

Г.О.: Мне интересно ваше мнение как специалиста, не переоцениваем ли мы свою роль? Мы не утверждаем, что у нас есть вот такие-то и такие достижения, мы просто работаем. Но ваше отношение к этому вопросу и наша полемика могут быть очень интересными.

Б.Д.: Боюсь, полемики не будет. Я исхожу из того, что российские социологи в последние 20 лет имеют возможность наблюдать огромное многообразие политических, социальных, экономических процессов. <...> Конечно, я признаю очень высоким уровень советских / российских социологов, которые были одновременно и философами, и историками. У нас появился очень интересный симбиоз, а реальность, которую российские социологи наблюдают, в которой живут, которую изучают,— это уникальный материал для науки.

Г.О.: Кстати, у нас сейчас создано общество социальных наук⁸. Мы высоко ценим философское знание, но философия никогда не была наукой.

Б.Д.: Да, это только в России.

Г.О.: Я как-то сказал в интервью, которые не люблю давать, что если бы я знал, что будет твориться в социологии в горбачевскую перестройку и после нее, как будут использовать социологию

⁸ «Российское общество социальных наук»; о нем подробнее речь пойдет ниже. — *Прим. ред.*

в апологетических целях для решения проблем антинародных и антироссийских, я, наверное, был бы одним из тех, кто с самого начала боролся бы против введения социологии в России. Может быть, это особенность российского менталитета, может быть — традиция, но в российской социологии ширится круг дилетантов, невежд, которые пытаются использовать нашу науку в своих интересах.

Может быть, я несколько преувеличиваю: у нас сейчас 60–70% социологических исследований используются в качестве орудия власти для фальсификации действительности в интересах ее и аффилированных с ней структур.

Б.Д.: Исследования каких же коллективов?

Г.О.: Определенная часть социологов фальсифицирует действительность, дает извращенную информацию, которая дезориентирует общество и которая, по существу дела, носит ярко выраженный апологетический характер. Другая часть социологов просто констатирует факты, но не на основе выборочных исследований. Выборочные исследования у нас вообще сейчас в загоне. Потому, что они требуют затрат больших сил, энергии. Есть и те, кто выдвигает ряд иллюзорных теорий, концепций. Вроде того, что социологии нет, или вот я, любимый, создал новую биосоциологию.

Кроме того, учреждено огромное количество социологических кафедр и близких к социологии политологических факультетов, которые преподают социологию, ее отрасли на весьма примитивном уровне. Причем, многие еще находятся под влиянием идеологии марксизма-ленинизма, где Маркс — это первый социолог, основоположник демографической науки, основоположник социальной психологии и прочее. Пишутся и издаются явные глупости. Далее, многие люди, не имеющие отношения к социологии, тоже включены в социологическую орбиту. Скажем, В.И. Вернадский — как великий основоположник организационной науки. Эта лекция читается в Университете. Глупости. Или, тот же А.К. Гастев. Мы его хорошо знаем по всем работам; можно писать, что Гастев сделал то-то и то-то, воздать ему по заслугам. Но когда начинают приписывать Гастеву то, чего нет, — это глупости.

Б.Д.: Нужна серия статей, книг о том периоде, которые развеют мифы и опишут реальность.

Г.О.: <...> Понимаете, до сих пор реформы в стране осуществляются на основе мифов, на основе мифологии. Могу перечислить 15–20 мифов. Скажем: «Все, что находится на территории России, принадлежит России». А Байконур, а база нашего Черноморского Флота и так далее... Кто создавал все это?

Сейчас мы говорим о включении именно социологической науки в систему государственного управления. Но это должно быть тщательно

изучено; затем цель, которая ставится, должна быть научно обоснована и научно, с математической точностью, выверены ее результаты с точки зрения человека и общества. Ничего подобного у нас нет: то и дело сталкиваешься с субъективными так называемыми «научными» выводами тех псевдоученых, кто занимается апологетикой, служат власти, служат губернаторам.

Б.Д.: Я бы так сказал, очень низкое понимание социального.

Г.О.: Все, что окружает нас, все — социальное; даже природа сейчас творится человеком, а все, что сделано человеком, имеет социальный аспект. <...>

Сейчас господствует как бы денежный фетишизм; дай деньги, и все решим. При этом как никогда ранее буйным цветом расцвели всевозможные злоупотребления и преступления в финансовой сфере. Утвердилась печальная присказка, что, мол, живем мы в пору расцвета РОЗ (распил, откат, занос). Конкретный вопрос обсуждался у С.В. Степашина: выделять ли одному министерству по его настойчивой просьбе дополнительные финансы. Я предлагаю: «Давайте поддержим это обращение о выделении дополнительно 200 миллионов рублей. Но кто мне ответит, что нового будет создано за счет этих 200 миллионов?». Степашин подумал и в просьбе отказал.

Без учета мнения социальной науки наше общество движется к неминувшему краху. <...>

Однако мы несколько отвлеклись от темы.

Б.Д.: Отвлеклись, но интенция ответа прозвучала... Вашей Академии⁹ уже 20 лет?

Г.О.: Суть заключается в следующем. Когда была создана Советская социологическая ассоциация, она являлась структурным элементом Академии наук СССР. Но когда я уже отошел от деятельности Ассоциации, Ядов ее распустил. Советская социологическая ассоциация должна была просто изменить, свой статус Всесоюзной на статус Российской социологической ассоциации, но взяли и распустили ее. Само слово «ассоциация» решили изменить, поскольку оно, видите ли, отдает духом солипсизма. <...>

Поскольку у нас разработана новая концепция и поскольку в основе всего лежит социальный фактор, которым и занимается, главным образом, социология, то сейчас уже приоритет социологии признали и другие академические науки. По их инициативе создается Общество социальных наук, которое будет зарегистрировано 5 декабря

⁹ «Российская академия социальных наук» — создана в 1993 г. под руководством Г.В. Осипова; объединяет ученых, общественных деятелей (социологов, политологов, демографов, экономистов, юристов, этнологов); является общероссийской общественной самоуправляющаяся организацией. — *Прим. ред.*

этого года¹⁰. Оно объединяет специалистов, работающих в университетах, академические институты по отраслям науки. То есть происходит интеграция, во-первых, вузовской и академической науки и, во-вторых, — специалистов разного профиля, работающих в университетах.

Б.Д.: Как Вы думаете, там люди будут понимать друг друга?

Г.О.: Будут понимать. Непонимание основано на амбициях, на престиже. Вы же знаете из истории, сколько выдающихся деятелей стали таковыми благодаря чувству неполноценности физической или психической.

Б.Д.: Да, бывает.

Г.О.: И тут тоже так происходит, в какой-то степени. Сейчас делить нечего... никакого запрета и никакой конфронтации сейчас быть не может. У каждого есть возможность заниматься наукой. Конфронтация переносится на внешнюю область, борьбу амбиций. Я должен возглавить эту организацию, чтобы смирить нежелательные проявления.

Б.Д.: Как говорит Теодор Шанин, конфликт не социологии, а социологов.

Г.О.: Да, конфликт социологов, причем абсолютно необоснованный.

Б.Д.: *Видите ли вы особый путь развития российской социологии? В чем он заключается, каково его назначение? В частности, меня интересуют перспективы развития православной социологии: какие особые проблемы ей предстоит решать? Здесь же уместен и вопрос о мусульманской социологии. Обсуждаются ли перспективы такого направления в российской социологии?*

Г.О.: Прежде всего я вас спрошу: есть мусульманская физика?

Б.Д.: С физикой ясно: нет.

Г.О.: А химия православная?

Б.Д.: Тоже нет.

Г.О.: Наука не может быть ни православной, ни марксистской. Наука есть наука. То или иное исследование становится научным, если оно изучает закономерности, которые, не важно, являются ли природными или закономерностями той ситуации, которая создана людьми. Нет американской социологии или российской. Можно говорить о социологии, созданной в Америке, о социологии, созданной в России. Но социология — это, она подобна другим наукам...

¹⁰ Учредительная конференция Общества социальных наук состоялась 12 декабря 2012 г. в Институте социально-политических исследований Российской академии наук. Председателем общества избран академик РАН Г.В. Осипов. — *Б.Д.*

И я считаю одной из заслуг нашей школы социологии, если можно так назвать, то, что мы впервые в истории социологии рассматриваем эту науку как единство социальной мысли. <...>

И здесь встает вопрос о специфике нашей социологии. Прежде всего это проведение исследований, которые имеют как практическое значение, так и фундаментальное. Фундаментальные, или академические, исследования изучают социальную реальность во всех аспектах, но вызывают вопрос о том, как использовать конкретные результаты научных исследований, не дожидаясь, пока пройдет какой-то период времени. Сейчас мы переломили обыденное дилетантское отношение к экономике знаний, к социологии знаний. Но это не значит, что экономика и социология знаний овладели всеми. Для этого нужно, во-первых, чтобы это знание вошло в общественное сознание социальных ученых; во-вторых, чтобы на основе этого знания готовились квалифицированные специалисты. Только тогда можно перейти к практике.

Одно из исследований, которые мы проводим, связано с осмыслением новой социальной реальности, складывающейся не только в России, но во всем мире. Это — с позиции законотворчества, с позиции поведения властных структур, создания той среды, в которой находятся люди, той ситуации, которая порождает определенные социальные закономерности, оказывая воздействие на поведение людей.

Недавно обсуждали еще раз этот вопрос, проанализировали полученные данные. Выявлены определенные закономерности, что дальше? Нужна солидная цель для развития, если мы хотим изменить ситуацию, руководить эффективно обществом. Казалось бы, у нас сейчас основные усилия истеблишмента нацелены на модернизацию, инновацию, но так это только на бумаге. На практике же основные усилия и средства от чиновников при науке направлены не на общественное развитие, а на их функционирование в так называемом «инновационном процессе». Такой вывод подтверждают вскрытые недавно злоупотребления в расходовании бюджетных средств чиновничьим аппаратом «Сколково». Их зарплаты за два года выросли в среднем с 65 до 450 тыс. руб. Два года существует при «Сколково» таможенный отдел с уровнем зарплат от 300 до 600 тыс. руб., который за все это время провел лишь ... одну (!) таможенную операцию. На какие реальные инновационные проекты может рассчитывать общество в гнилой атмосфере такой «растациловки»? Необходимо как можно скорее кардинальным образом изменить ситуацию в управлении научным процессом. И не только в одном конкретном Инновационном центре «Сколково», а по всей системе. Естественно, мы — научное сообщество социологов России — готовы принять самое активное участие в этом благом начинании, направленном на очищение

научных рядов от случайных рвачей под видом управленцев, но все же инициатива и главные действия — за властью.

Важный проект нашего Института социально-политических исследований, который с этим связан, — экономика и социология науки и образования, то есть экономика и социология социальной науки. Хотим разобраться в том, как наука входит в систему образования и как эта система образования готовит кадры, которые смогут войти в систему научного управления обществом. На этом пути мы подошли к конструированию новой системы показателей и индикаторов развития науки, показателей и индикаторов системы образования. Я думаю, как на Сталинградском фронте, мы подтянем все резервы, все сделаем, а после мощно ударим. Поэтому особенно не пропагандируем заранее эту работу. Это первое.

Второе, мы поддерживаем и даем научное обоснование некоторым проектам, сотрудничаем с представителями естественных наук. Скажем, наше общество часто в искаженном виде воспроизводит советское: ну, какие могут быть инновации, если есть план и под него предусмотрены ресурсы?

Для того чтобы инновации внедрить во что-то, нужны средства, нужны новые решения. Мы поддерживаем в этом плане группу ученых-естественников, которые решают проблему утилизации парниковых газов. Обеспечиваем их открытиям социальную экспертизу, способствуем популяризации их идей среди истеблишмента. Парниковые газы могут быть преобразованы в энергию, то есть речь идет о непрерывном процессе воспроизводства энергии.

Одновременно с нами англичане разрабатывают проект парниковых газов, на что выделяются миллиарды фунтов стерлингов. У нас, когда для этого проекта требуется выделить 50 или 100 миллионов рублей, — это уже проблема, которую не может решить даже Президент страны. Причем ему докладывали, проблема-то решена лабораторным способом, речь идет о том, чтобы еще раз воспроизвести процессы утилизации парниковых газов на более широком уровне.

Б.Д.: А какие-либо зарубежные структуры, знают о том, что вы решили эту задачу?

Г.О.: Понимаете, это настолько сложная задача, что зарубежные структуры, десятки, сотни научных организаций, даже в кошмарном сне не представляют, что в России эта проблема может быть решена. Они рассматривают это как шутку или какое-то приближение к возможному решению проблемы. Да и мы не можем опубликовать научные материалы, ряд из них засекречен.

Следующий наш большущий проект, который имеет практическое значение, очень важное для изменения ситуации в мире, — это трансконтинентальный, интегральный коридор, который свяжет через

Азию — северо-восточную и юго-восточную — Америку с Европой. Конечно, мы не являемся специалистами в области транспорта, но над этим проектом мы работали с огромной группой инженеров, техников, ученых. Он изменит ситуацию, связанную с положением наших регионов в Сибири и на Дальнем Востоке, предотвратит развитие целого ряда негативных процессов, но самое главное — это решение проблемы нормального, серьезного партнерства с США. С тем, чтобы избежать, в конце концов, шантаж со стороны других стран, которые на наших противоречиях только и живут. <...>

И кроме того, у нас уже есть ряд локальных проектов. Скажем, проект, связанный с изучением единства духовно-нравственных основ главных мировых религий. Если взять Коран, Талмуд, Библию, если выделить суть этих верований, то они не противоречат друг другу. Этот проект осуществляет Институт с тем, чтобы показать, что идеология ислама — это не ваххабизм, а идеология, направленная на совершенствование человечества. То же самое и с другими основными религиями.

Раскрою еще большой проект, он связан с социальным риском, который заложен в фундамент перехода к информационному обществу и, кроме того, предполагает подготовку по-настоящему современных, углубленных учебников, учебных пособий с тем, чтобы студенты, аспиранты овладевали новыми знаниями, по-новому понимали ту реальность, которая их окружает.

Г.О.: Я ответил на Ваш вопрос? Будете создавать мусульманскую социологию?

Б.Д.: Создавать — нет. Но проблема взаимоотношений социологии и религиозного сознания меня по-прежнему живо занимает. В прошлом году я провел интервью с петербургским социологом Владиславом Бачининым. Он — убежденный протестант, и он вообще не видит возможности существования атеистической социологии. Моя точка зрения значительно ближе к тому, что вы сказали, чем к Бачинину, но я думаю, что он — не единственный, кто так считает...

Г.О.: Борис Зусманович, тот, кто так говорит — экстремист, мы против навязывания точек зрения. Пусть человек придерживается протестантской социологии, но есть определенное понятие Науки. А наука не может быть ни русской, ни армянской.

Б.Д.: У меня есть еще один вопрос. Геннадий Васильевич, наша беседа проходит за несколько месяцев до вашего 85-летнего юбилея. Можно с уверенностью сказать, что вся Ваша жизнь связана со становлением и развитием советской / российской социологии. Мне кажется, что в Вашей душе должно быть место радости, так как многое удалось сделать, но есть и печаль, поскольку многое шло и идет не так, как

хотелось бы. И все же, каков баланс чувств, рассуждений: положительный или отрицательный?

Г.О.: Надо учитывать много обстоятельств. Во-первых, — конечно, полный оптимизм, полное удовлетворение всем, это беспорно. На определенных этапах, когда шла борьба за социологию, за ее становление, тут было очень трудно. Были такие моменты, когда меня освобождали [от должности] и когда моих друзей чуть ли не исключали из партии, близких, причем, очень, за то, что я «клюю воду на мельницу» мирового империализма. Эти письма есть в архиве Президента. Но это не стоит поднимать, это было подло. Сейчас представляет определенный интерес противостоять этим силам, потому что я абсолютно уверен: то, что я делаю, я делаю правильно и делаю это не ради своего собственного утверждения, потому что ничего не надо лично мне, абсолютно. Делаю, просто исходя из того, что мои действия основаны на моем научном интересе, а кроме того, чтобы ни произошло сейчас, я знаю, что в будущем сделанное ляжет в основу дальнейшего развития страны.

Б.Д.: Философия оптимизма: все будет развиваться именно так...

Г.О.: Конечно, чтобы ни было сейчас.

Сейчас, я думаю, наша задача — утверждать и решать проблемы конструктивно. У нас четыре проекта, первый проект по транспортному коридору, второй мега-проект, я им давно занимаюсь — по социальным индикаторам и показателям, чтобы качество жизни изменить. Третья программа — это синтез. Практически научно решена проблема утилизации парниковых газов CO₂. Но это никому не нужно, с одной стороны. А с другой стороны, что такое решить проблему утилизации парниковых газов? Удар по нашим нефтегазовым компаниям, я это понимаю прекрасно. Это социальная проблема, мы ее решение всячески поддерживаем. Еще у нас есть четвертый проект: создание такого агропромышленного холдинга в России, который включает примерно 120 подразделений, — это с тем, чтобы избежать продовольственную проблему. <...>

Б.Д.: Большое Вам спасибо, Геннадий Васильевич.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б. Изучение биографий и воссоздание прошлого // Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х томах. Т. 1. Гл. 2. С. 92–96. М.: ЦСПиМ, 2012 [электронное издание]. Дата обращения 05.05.2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm>.
2. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования // Вопросы философии. 1980. № 7.

3. Колбановский В.В. О предмете марксистской социологии // Вопросы философии. 1958. № 8. С. 116–129.
4. Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии. 1957. № 5. С. 32–46.
5. Осипов Г.В. Марксистская и буржуазная философия о месте и роли техники в современном общественном развитии. Дисс. ... уч. степени доктора. филос. наук. М., 1964.
6. Осипов Г.В. О «технократических» теориях в современной буржуазной социологии. Дисс. ... уч. степени канд. филос. наук. М., 1955.
7. Осипов Г.В. Современная буржуазная социология (Критический очерк). М.: Наука, 1964.
8. Осипов Г.В. Техника и общественный прогресс. Критический очерк современных реформистских и ревизионистских социологических теорий. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 262 с.
9. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР / Ред. М.Т. Йовчук. М.: Соцэкгиз, 1961.
10. Рабочий класс и технический прогресс. Исследование изменений в социальной структуре рабочего класса / Под ред. Г.В. Осипова и др. М.: Наука, 1965. — 362 с.
11. Социология в СССР / Ред.-сост. Г.В. Осипов. Т. 1–2. М.: Изд-во: Мысль, 1965.

Дата поступления 13.03.2014

**G.V. OSIPOV: “NOWADAYS ALL PROBLEMS
HAVE TO BE SOLVED ONLY ON THE BASIS OF SOCIAL SCIENCES” /
Interview prepared by BORIS DOKTOROV**

Osipov Gennadiy Vasilievich — Academician, Director of the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Researches RAS.

Doktorov Boris Zusmanovich — Doctor of Philosophy, Independent researcher (USA). **Email:** bdoktorov@inbox.ru

REFERENCES

1. Doktorov B. Izuchenie biografij i vossozdanie proshlogo. Sovremennaja rossijskaja sociologija: Istoriko-biograficheskie poiski. V 3-h tomah. T. 1. Gl. 2. S. 92–96. Moscow: CSPiM, 2012 [jelektronnoe izdanie]. Data obrashhenija 05.05.2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm>.
2. Kelle V.Zh., Koval'zon M.Ja. Vazhnejšie aspekty metodologii social'no-filosofskogo issledovanija. Voprosy filosofii. 1980. № 7.
3. Kolbanovskij V.V. O predmete marksistskoj sociologii. Voprosy filosofii. 1958. № 8. S. 116–129.
4. Kuchinskij Ju. Sociologicheskie zakony. Voprosy filosofii. 1957. № 5. S. 32–46.
5. Osipov G.V. Marksistskaja i burzhuaznaja filosofija o meste i roli tehniki v sovremennom obshhestvennom razvitii. Diss. ... uch. stepeni doktora. filoz. nauk. M., 1964.

6. Osipov G.V. O «tehnokraticeskikh» teorijah v sovremennoj burzhuaznoj sociologii. Diss. ... uch. stepeni kand. filos. nauk. Moscow, 1955.
7. Osipov G.V. Sovremennaja burzhuaznaja sociologija (Kriticheskij ocherk). Moscow: Nauka, 1964.
8. Osipov G.V. Tehnika i obshhestvennyj progress. Kriticheskij ocherk sovremennyh reformistskih i revizionistskih sociologicheskikh teorij. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. — 262 s.
9. Podyem kul'turno-tehnicheskogo urovnja rabocheho klassa v SSSR. Red. M.T. Iovchuk. Moscow: Socjkgiz, 1961.
10. Rabochij klass i tehniceskij progress. Issledovanie izmenenij v social'noj strukture rabocheho klassa. Pod red. G.V. Osipova i dr. Moscow: Nauka, 1965. — 362 s.
11. Sociologija v SSSR. Red.-sost. G.V. Osipov. T. 1–2. Moscow: Izd-vo: Mysl', 1965.

Received: 13.03.2014